УДК 378.1 : 159.9
ББК 74.58 022

Образовательные практики: амплификация маргинальности

Альманах № 4

Серия «Университет в перспективе развития»

Белорусский государственный университет.
Центр проблем развития образования БГУ
Под ред. А.А. Забирко.
Мн.: Технопринт, 2000. – 184 с.

ISBN 985-464-059-0

В альманах включены материалы проблемно-разработческого семинара «университетское психологическое образование: оценка ситуации и возможные перспективы», проведенного в Белорусском государственном университете 21-23 сентября 2000 года, а также статьи в рамках тематики семинара, специально заказанные для данного сборника.

Содержание сборника фокусируется на проблематике новых форм университетской подготовки; предпринимаются попытки осмысления разных типов гуманитарных образовательных практик. Авторов данного сборника объединяет то обстоятельство, что каждый из них при обсуждении образовательных стратегий использует ту или иную форму критического дискурса.

Сборник статей ставит своей задачей расширение читательского опыта осмысления университетского образования путем привлечения ресурса, накопленного в текстах, проблематизирующих единообразие практик преподавания и создающих возможность для конструирования альтернативных педагогических концепций университетского образования.

Данное издание предназначено для преподавателей, ученых, исследователей проблем высшей школы, аспирантов, методистов и специалистов аппарата управления сферы образования.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Многообразие не данность, а проект. *(с. 5)*

Введение Чтение без контекста. *(с. 8)*

Коломинский Я.Л. Психологическая культура или психологическая цивилизация. *(с. 12)*

Слепович Е.С. Размышления специалиста об авторской практике "Психология ребенка с аномальным развитием". *(с. 20)*

Краснов Ю.Э. От вербально-технической к мыследеятельностно-самоопределенческой парадигме психологического образования. Опыт реконструкции становления и методологического обоснования проекта "ПРАКТИКА" как единица (университетского) психологического образования". *(с. 25)*

Фофанова Г.А. После лекции Полонникова А.А. Размышления психолога. *(с. 36)*

Харин С.С. Совершенство развития (теоретические аспекты личностно-профессионального становления субъекта научной деятельности). *(с. 40)*

Файферман В.В. Психологические особенности функционирования намерений в процессе профессиональной подготовки психологов. *(с. 61)*

Герасимова В.А. Просто ни о чем… *(с. 68)*

Джержен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика. *(с. 74)*

Соколова М.В. Лирическое эссе на тему "Об издержках педагогического процесса". Взгляд изнутри. *(с. 102)*

Полонников А.А. Сверхъестественность образования. *(с. 106)*

Корчалова Н.Д. Возможность и воображение. *(с. 131)*

Забирко А.А. Время и образование. Несколько метафор к образовательной практике. *(с. 133)*

Корбут А.М. Образование | проблематизация. *(с. 136)*

Интервью с человеком. не написавшим послесловие. *(с. 158)*

Забирко А.А.. Герасимова В.А.. Корбут А.М.. Корчалова Н.Д.. Полонников А.А. Комментирующий диалог как образовательная практика: конструирование события. *(с. 162)*

Возможность и воображение

КОРЧАЛОВА Наталья Дмитриевна, *преподаватель кафедры психологии Белорусского государственного университета, г. Минск.*

Как человек определяет для себя возможное?

Наш мир разделен на две половины: возможное и невозможное (реальное и нереальное). Граница между ними — одно из главных, а может быть, и единственное основание для убежденности в наличии собственного существования и в наличии существования реальности. Это то, что конституирует наше зрение, самоощущение и отношение. Граница между ними — константа нашей идентичности и идентификации, то, что придает ей устойчивость и определенность. И вот образуется замкнутый круг возможного и определенного: возможной считается жизнь, проникнутая, пропитанная, пронизанная определенностью/границы возможного определены и устойчивы: взаимная подтвержденность. Мы опираемся на точное знание о возможном, а главное — о невозможном, и это дает нам успокоение вплоть до апатии.

Через утверждение реального/нереального мы укоренены в бытии.

Это дает нам зрение, позволяя нам видеть, не позволяя нам видеть одновременно.

Мы не можем точно сказать, откуда мы знаем, что это возможно, а это — ни в коем случае (хотя, конечно, определенно указываем источник такого знания), однако это наше знание точно и несомненно. Любое усомневание границы принимается как сумасшествие или антигуманность, и последнее замещение/интерпретирование сомнения позволяет укрыться от пугающего “безграничья”, ненужной свободы и отсутственной пустоты.

Мы вращаемся в круге привычных значений, вернее, круг привычных значений (определенность-возможность) вращается в нас. Если бы мы заглянули в себя за значения, мы бы обнаружили пустоту, прикрываемую хороводом знакомых слов, однако быть пустым — невозможно, и определенно нужно испытывать при этом тревогу, поэтому мы не можем заглянуть в себя. Привычное держит нас, как мушку — янтарь.

Мы попадаем в готовый мир, в котором также готовы и способы пристраивания к нему, если он неудобен для нас, несоразмерен нам. Такая двойная готовность мира — условие его устойчивости и трансляции; это горизонт наших возможностей.

И этот мир выстроен по принципу анонимного авторства, где каждый, ежедневно и ежечасно подтверждая привычное свершение дел, становится его автором.

Мир определен и объективен. Иное невозможно. Реальности не может не быть. На самом деле. И мы расчленяем определенность на отдельные части, из которых впоследствии можем выбирать — вот что становится набором наших возможностей; вот что конституирует наше возможное вообще.

Что происходит, когда привычное утрачивает свои атрибуты?

Определенность имеет свое устройство. Она настолько иллюзорна, что позволяет обнаруживать себя везде. В словах и с помощью слов. В ощущениях и с помощью ощущений. В воспоминаниях и с помощью воспоминаний. Она многолика, и это многоличие/многословие создает иллюзию разного/возможного/воображаемого, скрывая пути и пространство иного разного/возможного/воображаемого. Любая попытка устранить определенность/привычность для пространства пустоты и отсутствия приводит лишь к тому, что одно слово замещается другим, но с какого-то места можно увидеть, что это одна и та же определенность. Мы хватаемся за опоры, услужливо предоставляемые нам историей, частной/индивидуальной и всеобщей/коллективной, расплачиваясь зачастую за это отсутствием себя в собственной жизни. Мы крепко держимся за привычное, считая, что по-иному жить невозможно. Держимся, принимая подчас неудобные и нелепые позы, испытывая возмущение по поводу конфигурации определенного. Но его границы — границы нашего возможного.

Если пропадает сразу много привычного, мы испытываем болезненное головокружение, тошноту и помутнение в глазах. Мы теряем зрение, слепнем и исчезаем, утратив напряжение в подтверждаемых точках/опорах. Растерянность и подкосившиеся ноги, вернее, ощущение отсутствия ног. Отсутствие себя и мира.

В мире, выстроенном по принципу дихотомии, значения возникают на границе да/нет.

В мире, выстроенном по принципу дихотомии, значения возникают на границе да/нет.

Какие границы нужны?

Представим себе мир, где есть только возможное. Мир без дихотомии. Мир, который только есть. Если значения возникают лишь на границе чего-то и чего-то, то значение возможного возникает не через границу с невозможным, а через границу с воображением. Дихотомия возможного/невозможного— основное препятствие для возможного и воображения. В такой же степени, как и привычное. Возможность и воображение — из пространства отсутствия. Где задыхается определенность, только и возможно дышать воображению.